

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение: свобода от психиатрии	21
Свобода: буквальная и метафорическая	24
Свобода делать что?	27
Свобода и безумие	31
От безответственного опекаемого — к ответственному взрослому.	34

Часть I. ПРИНЦИПЫ: ПОЧЕМУ ЛИБЕРТАРИАНСТВО И ПСИХИАТРИЯ НЕ СОВМЕСТИМЫ

Глава 1. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: МОРАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ СВОБОДЫ	41
Свобода и независимость.	42
Первичность ответственности	44
Захватили ли экономисты идею свободы?	50
Глава 2. ЛИБЕРТАРИАНСКОЕ КРЕДО И ИДЕОЛОГИЯ ПСИХИАТРИИ	52
Принцип неагрессии	55
Психиатрия и проблема того, что считать инициированием насилия.	59
Медицина и насилие	61
Психиатрия и опасность	64
Принцип обладания собой	68
Обладание собой и суды	71
Заключение	73
Глава 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПСИХИАТРИЯ — СЦИЕНТИСТСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ	75
Экономическая теория как риторика и религия	77
Нобелевские премии по «экономическим наукам».	84
Нобелевские премии по «психиатрическим наукам».	91
Нейроэкономика: одержимость нейросциентизмом	98
Заключение	103
Глава 4. ЭКОНОМОКРАТИЯ И ФАРМАКРАТИЯ: СИСТЕМЫ-БЛИЗНЕЦЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ	105
Личность, семья и государство.	105

Собственность — основа свободы	110
«Помощь» и необузданная метафора войны	112
Риторика и политика «помощи».	117
Экономика и психиатрия: о чем они?	122
Голые короли.	125
Пересматривая свободу и психиатрию	129
Заключение.	131

Часть II. ГДЕ ДОПУСТИЛИ ОШИБКИ НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ЛИБЕРТАРИАНЦЫ

А. ГРАЖДАНСКИЕ ЛИБЕРТАРИАНЦЫ	137
Глава 5. ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ	137
Врачевание безумия и «О свободе»	138
Похожи ли душевнобольные на несовершеннолетних?	146
Утилитаризм и проблема счастья	150
Заключение.	152
Глава 6. БЕРТРАН РАССЕЛ	153
«Дороги к свободе».	154
Власть и психиатрия.	156
Бертран Рассел против Джона Рассела	160
Расселовский «ужас перед безумием».	166
Зло в паре: сумасшедший и психиатр.	168
Заключение: Рассел, апостол разума	172
Глава 7. АМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ ГРАЖДАНСКИХ СВОБОД	174
Роман Американского союза гражданских свобод с психиатрическим рабством	175
От плохого к худшему: права людей с психическими неспособностями	183
Заключение.	188
Б. ЛИБЕРТАРИАНЦЫ-ОБЪЕКТИВИСТЫ	191
Глава 8. АЙН РЭНД	191
Ротбард о Рэнд	192
Рэнд о психиатрии.	195
Заключение.	202
Глава 9. НАТАНИЭЛ БРЭНДЕН	205
«Психология самоуважения».	206

«Освобождаясь»	211
Брэнден о психической болезни.	212
Судный день	215
Интервью с Брэнденом	220
Брэнден как психотерапевт	222
Заключение.	225
В. ЛИБЕРТАРИАНЦЫ	227
Глава 10. ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС	227
Праксеология и психиатрия	228
«Человеческая деятельность» (1949).	231
«Либерализм» (1927).	234
Заключение.	236
Глава 11. ФРИДРИХ ФОН ХАЙЕК	238
Верховенство права и его применение к психиатрии	238
Хайек и миф душевной болезни	240
Хайек о медицине и психиатрии.	246
Хайек и психология	249
Хайек против сциентизма	252
Заключение.	256
Глава 12. МЮРРЕЙ РОТБАРД	258
Ротбард и психиатрия	259
Заключение.	263
Глава 13. РОБЕРТ НОЗИК	265
«Анархия, государство и утопия»	265
«Философские объяснения»	269
«Исследованная жизнь».	271
«Исследованная жизнь» и самоубийство	273
Неисследованная жизнь	276
«Природа рациональности» и «Инварианты»	279
Заключение.	281
Глава 14. ДЖУЛИАН САЙМОН.	284
Психология депрессии Саймона	285
Заключение.	289
Глава 15. ДЕЙДРА МАККЛОСКИ	290
«Переправа»: из Дональда в Дейдру Маккლოსки.	290
Транссексуализм и психиатрия	299

Содержание

Транссексуализм в перспективе	305
Рольевые обязательства и психиатрическое принуждение	310
Заключение	313
Финал	316
Выражение благодарности	319
Примечания и комментарии	320
Библиография.	355
Указатель	368

Наша вера в свободу опирается не на предсказуемые в конкретных обстоятельствах результаты, а на веру в то, что в итоге она высвободит больше сил в пользу блага, чем в пользу зла... Свобода, дарованная только если заранее известно, что ее результаты будут полезны, — это не свобода.

Фридрих Хайек (1899—1992)

«Конституция свободы»¹

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Случается, что люди глубоко и искренне веруют в правильность определенных идей и практик, влекущих за собой далеко идущие экономические, нравственные и политические последствия, в то время как другие люди столь же глубоко и искренне полагают эти идеи и практики ошибочными. Рабство (владение людьми как имуществом) очень долго было такой идеей. Сегодня такая идея — психиатрическое рабство.

«Я Господь Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исход, 20: 2). Так звучит первая заповедь. Отметим, что Бог не сообщает: «Я Господь Бог твой, который упразднил рабство для всего рода человеческого». Напротив, Ветхий Завет признает рабство в качестве общественного установления и, не осуждая его, утверждает его правомерность: «А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас» (Левит, 25: 40).

На протяжении тысячелетий рабство представляло собой общепринятые отношения между людьми: обязанностью раба было служить хозяину, обязанностью

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. указатель.

хозяина — заботиться о рабе. Аболиционистам предстояло увидеть этот образ рабства как защиты раба, подкрепленной такими нравственными основаниями этого почитаемого обществом установления, как милосердие, забота и безопасность, и преодолеть его. Аболиционисты не утверждали, что упразднение рабства удовлетворит нужды рабов лучше, чем рабство. Вместо этого они настаивали на том, что личная свобода — всеобщая нравственная ценность, которая делает недобровольное порабощение, вне зависимости от его действительных или предполагаемых благ, аморальным и противоправным. Ответом аболиционистов на оскорбление человека недобровольным порабощением было упразднение, а не реформа рабства.

Сегодня психиатрическое рабство, т.е. принудительный контроль пациента психиатром, повсеместно признают неотъемлемой частью правомерной медицинской практики и цивилизованной общественной жизни. На протяжении пятидесяти лет я утверждал, что такой взгляд медицински не обоснован и нравственно неприемлем². Вместо повторения собственных доводов против подчинения психиатрических пациентов психиатрам я процитирую размышления Джона Стюарта Милля о препятствиях, с которыми он столкнулся, выступив против освященного традицией подчинения женщин мужчинам.

«До тех пор пока мнение глубоко укоренено в чувствах... чем менее оно оказывается состоятельным перед доводами разума, тем более сторонники убеждаются, что, стало быть, их чувство имеет очень глубокое основание, если даже аргументация не может поколебать его. И до тех пор пока это чувство сохранит в себе хоть каплю живучести, до тех пор оно постоянно будет возводить новые окопы и прятаться за новыми траншеями, прикрывающими уже сделанные бреши... Пока рассудок большинства человечества не будет настолько развит, чтобы верить в свою способность производить самостоятельную оценку аргументов, едва ли можно требовать от людей, чтобы они поступались практическими принципами,

в которых рождены и выросли и в которых заключается весь общественный строй, если даже они и не в силах логически защитить их»³.

В «Декларации независимости» <США> утверждается: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». В канун американской Гражданской войны классифицирование чернокожих мужчин и женщин в статус имущества, а не личностей, делало рабство совместимым со свободным обществом. Сегодня классифицирование водворения в психиатрический стационар в статус лечения, а не наказания, делает психиатрическое рабство совместимым со свободным обществом⁴.

У психиатрии никогда не было недостатка в критиках. В самом деле, история психиатрии синонимична истории так называемых психиатрических реформ. Критики настаивали и продолжают настаивать на том, что их система заботы о душевнобольных превосходит систему, господствующую в психиатрии. Моя оппозиция психиатрии как системе социального контроля на такой подход никогда не опиралась. Я неизменно утверждал, что психиатрия, какой мы ее знаем, должна быть упразднена. Почему? По той же причине, по которой аболиционисты настаивали на упразднении рабства. Они полагали, что личная свобода — всеобщая моральная ценность, которая делает недобровольное порабощение безнравственным и противоправным, какими бы ни были действительные или придуманные выгоды от такового. Я полагаю, что недобровольная психиатрия безнравственна и противоправна, каковы бы ни были действительные или придуманные выгоды от нее. Надлежащий ответ на произвол принудительного психиатрического рабства — его упразднение, а не реформа.

Я считаю, что такая позиция не только соответствует основополагающей философии либертарианства, но

и неотъемлема от нее. К сожалению, у свободы есть одно свойство: каждый считает, что для свободы годится лично он. Однако большинство людей полагают, что другие люди или члены определенных групп для свободы не подходят. В прошлом к таким «неподходящим» относили чернокожих, женщин, евреев и «извращенцев» (например, гомосексуалистов). Сегодня негодными для свободы чаще всего полагают душевнобольных.

* * *

На протяжении большей части периода с 1700 по 1900 г. психиатрия была синонимична сумасшедшим домам. Вся психиатрия *ipso facto** была недобровольной психиатрией. Изобретение к концу XIX в. психоанализа и психотерапии породило существование бок о бок радикально отличающихся видов психиатрической помощи: недобровольной психиатрии — услуги, практикуемой в сумасшедших домах и оплачиваемой государством (налогоплательщиками), и добровольной психиатрии — услуги, практикуемой в офисе и оплачиваемой покупателем (пациентом)⁵. Драматические перемены в финансировании и регулировании рынка психиатрических услуг на протяжении последних десятилетий привели к разрушению и фактически исчезновению этого важного различия [между услугами в психиатрии]⁶.

С точки зрения экономики превращение *приватной психиатрии* в *публичную* произошло за счет перекладывания бремени расходов на услуги с индивида, обратившегося за услугой и ее получающего, на третью сторону (страховую компанию или «Медикэр»), «ответственную» за «покрытие» таковых. Такое положение дел называют «правом на психиатрическое лечение».

С точки зрения закона оно произошло за счет перекладывания ответственности за причиненный ущерб

* В силу самого факта, по определению. — *Прим. перев.*

с индивида как субъекта нравственного выбора на психиатра, де-факто являющегося его опекуном, ответственным за защиту индивида от самого себя, а окружающих — от индивида. Такое положение дел называют «обязанностью защищать».

До 1970-х только психиатры, работавшие в сумасшедших домах, были обязаны защищать пациента от «опасности», которую он представлял для самого себя и окружающих (на практике эту обязанность им навязывали редко). Частные психиатры, принимавшие пациентов в своих кабинетах (при этом пациенты вели свою жизнь независимо и занимали зачастую положение в обществе более высокое, чем психиатр), такой обязанности не имели. Принципы и практики деинституционализации, амбулаторного лечения и «права пациентов на психиатрическое лечение» решительно стерли границу между амбулаторными и стационарованными пациентами психиатра, превратив их всех в людей, потенциально или действительно не отвечающих за собственные действия — и, следовательно, подлежащих психиатрическому принуждению. А на профессионалов психиатрического здравоохранения легла ответственность за благополучие пациентов и за их неправильное поведение, вкуче с обязанностью применять к пациентам принуждение ради их собственного блага.

Выдающийся британский юрист Генри Самнер Мэйн (1822—1888) точно заметил: «Развитие прогрессивных обществ до сих пор было движением *от статуса к контракту*»⁷.

Иными словами, в свободных обществах закон считает людей договаривающимися между собой сторонами, а не членами статусных групп (например, такими как мужчины/женщины, сумасшедшие/здоровые). Современная психиатрия объявила этому принципу войну. Президент Американской психиатрической ассоциации доктор Марсиа Гойн провозглашает: «Мы можем заключать контракты со строителями, страховщиками,

продавцами автомобилей, но не с пациентами»⁸. Строители, страховщики и продавцы автомобилей заключают договоры с людьми, которых психиатры называют «пациенты». Почему же психиатры заключать их не могут? Потому что заключение договора предполагает две (или больше) равных перед законом стороны, каждая из которых раскрывает свои карты. Оно предполагает взаимные обязательства, в рамках которых каждая сторона имеет законную власть заставить своего партнера выполнить обязательства по контракту или компенсировать неисполнение таковых.

Такая взаимность в обязательствах идет вразрез с психиатрической этикой. В частности, психиатры отвергают «низменную» этику торговли в пользу «возвышенной» этики попечения. Поставщик услуг по сантехнике обязан предоставить лишь те услуги, которые его клиент потребовал и которые он сам согласился предоставить. Поставщик психиатрических услуг обязан куда больше: он должен защитить клиента от самого клиента, даже ценой лишения клиента свободы.

Цивилизованная мораль и свободный рынок предполагают ценить сотрудничество и договор выше, чем принуждение и контроль. Официальная психиатрия заявляет, что с точки зрения этики и права должная профессиональная практика требует отвергнуть свободный договор в пользу «терапевтического» принуждения. Профессор психиатрии Дэниэл Ланчинз из университета Чикаго утверждает: «Акцент на защите негативных свобод, возможно, был уместен среди сквайров XVIII в., но не тяжелых душевнобольных в США»⁹. Иными словами, психиатр, заключающий с пациентом договор, но не защитивший его от самоубийства, а других — от преступления с его стороны, отклоняется от «стандарта психиатрической помощи» (избегает «обязанности защищать» и отказывает пациенту в «праве на лечение») и признается виновным в медицинской небрежности¹⁰. Именно это побуждает всех психиатров — возможно или действительно — дей-

ствовать в качестве принудительных психиатров и превращает в оксюморон* непринудительную психиатрию¹¹.

Не забудем и о том, что объективных тестов для психических заболеваний не существует, не говоря уже о тестах для измерения тяжести этих предполагаемых заболеваний. Каким образом, в таком случае, психиатры устанавливают у кого-то «тяжелое» психическое заболевание? Они знают это постфактум: если пациент причиняет себе вред или убивает себя или кого-то еще, после этого о нем говорят, что он «был серьезно болен психически». Американская конституция запрещает законы, действующие постфактум**. Американская психиатрическая ассоциация и американские законы о психическом здоровье допускают экспертные оценки постфактум и, собственно, на таковые и полагаются.

* * *

Отличительная черта либертарианской философии свободы состоит в убеждении, согласно которому распоряжаться самим собой — основное право, а прибегать к насилию — основное преступление. В противоположность этому психиатрическая практика опирается на веру в то, что распоряжаться собой — что воплощается в самоубийстве — медицинское преступление, а прибегать к насилию против индивида, объявленного «психиатрическим пациентом», — медицинское право.

Являются ли самолечение и смерть по собственному выбору реализацией распоряжения собой, или же это проявления тяжких психических заболеваний? Что представляет собой лишение свободы по психиатрическим основаниям — одиозное превентивное заключение под стражу или терапевтически оправданную госпитализа-

* Оксюморон — фигура речи, которая содержит противоречие самой себе. — *Прим. перев.*

** То есть имеющие обратную силу. — *Прим. перев.*

цию? Как рассматривать принудительное введение психиатрических препаратов: как оскорбление действием или медицинское лечение?

Как сторонники свободы — в особенности либертарианцы — поступают в отношении конфликта между основными принципами либертарианства и господствующими практиками психиатрии? Эти вопросы я рассмотрю на следующих страницах. Эта книга главным образом не о либертарианстве и не о психиатрии. Напротив, предполагается, что читатель в известной мере знаком с обоими предметами. Это книга о конфликте — и несовместимости — между либертарианством и психиатрией.

Либертарианцы заявляют о своем интересе к вопросам общественной политики, особенно такой, которая посягает на личную свободу. Однако они проявляют куда больше интереса к экономической политике, чем психиатрической. Либертарианские собрания и публикации регулярно рассматривают вопросы монетарной политики, налогообложения, регулирования и дерегулирования, зарубежной помощи, социального обеспечения, но редко, если это вообще происходит, обращаются к таким вопросам, как недобровольная психиатрическая госпитализация, недобровольное амбулаторное лечение, «психиатрическая диагностика» (обвинение в опасности для себя и окружающих), «защита по безумию» (освобождение от уголовной ответственности за серьезные преступления, такие как убийство) и другие подобные «защиты», опирающиеся на «психиатрическое экспертное свидетельство».

Все эти политические действия влияют на повседневную жизнь граждан, однако результаты психиатрических действий более непосредственны и вредоносны: политические действия в экономике, подобно гражданским законам, лишают граждан денег или экономической свободы, а психиатрические — подобно уголовным — личной свободы. Вот почему я полагаю, что у всех американцев — и у либертарианцев в особенности — есть нравственный

и интеллектуальный долг посмотреть в лицо конфликту между свободой и психиатрией и сформулировать свою позицию в отношении понятия «психическое заболевание», а также мер психиатрического принуждения и освобождения от ответственности, которые с его помощью оправдывают.

Как известно, мы живем в эпоху специализации. Мы ожидаем, что специалисты обладают особыми знаниями в своих областях, а по остальным вопросам полагаются на компетентность соответствующих экспертов. Однако я думаю, что от социальных ученых — т.е. исследователей дел человеческих, особенно если их интересы охватывают вопросы личной свободы и ответственности, — мы вправе ожидать большего: им следует также разобраться с немногими правдами и многими неправдами о медицинской специальности под названием «психиатрия». Почему психиатрия? Потому что психиатрические вмешательства — в частности, недобровольная госпитализация и изъятие индивида из системы уголовного правосудия в психиатрическую систему — наиболее повсеместно и некритично принятые методы, которыми современное государство лишает личность свободы и ответственности.

Я считаю психиатрию значительной угрозой свободе и достоинству человека. Вот почему я критикую некоторых либертарианцев не только за некритичное принятие психиатрических клише, оправдывающих психиатрический статус-кво, но и за то, что они избегают смотреть на конфликт между свободой и психиатрией.

Историки, специалисты по этике и другие исследователи общества внимательно изучили нейтралитет перед лицом зла, особенно после концентрационных лагерей и ГУЛАГа¹². По этому вопросу уместно вспомнить точку зрения Данте Алигьери (1265—1321): в *Аду*, песнь третья, Данте вводит читателя во «Врата ада» — место, где пребывают души «приспособленцев»*. Он пишет:

* В переводе М. Лозинского «ничтожных». — *Прим. перев.*

И я с главою, ужасом стесненной:
 «Чей это крик? — едва спросить посмел. —
 Какой толпы, страданьем побежденной?»
 И вождь [*Виргилий*] в ответ: «То горестный удел
 Тех жалких душ, что прожили, не зная
 Ни славы, ни позора смертных дел.
 И с ними ангелов дурная стая,
 Что, не восстав, была и не верна
 Всевышнему, средину соблюдая.
 Их свергло небо, не терпя пятна;
 И пропасть ада их не принимает,
 Иначе возгордилась бы вина. ...
 ...
 их память на земле невоскресима;
 От них и суд, и милость отошли.
 Они не стоят слов: взгляни — и мимо!»¹³

* * *

Чтобы избежать недопонимания или обвинения там, где такого намерения нет, скажу, что, используя множественное число «экономисты» и «психиатры», не добавляя при этом каждый раз «многие» или «некоторые», я имею в виду представителей этих дисциплин, чьи действия находятся в рамках основного направления. Я понимаю, что все без исключения экономисты и психиатры вовсе не придерживаются одних и тех же взглядов и не делают одно и то же. А когда я пишу «экономисты», ссылаясь на математических экономистов в противоположность приверженцам австрийской школы экономики, я полагаю, что контекст делает смысл высказывания очевидным¹⁴.

Остается обсудить использование термина «наука». Словарь Уэбстера определяет науку как «обладание знаниями в отличие от невежества или непонимания; отрасль или раздел систематизированного знания, представляющего собой или могущего представить собой особый предмет изучения».

Термин «ученый» (*scientist*) — недавнее изобретение. Людей, которых мы считаем великими учеными XIX в. — например, Майкл Фарадей (1791—1867) и Чарльз Дарвин (1809—1882), при жизни учеными не называли. Их называли, и сами они называли себя натуралистами, натурфилософами или «людьми науки». В 1833 г. по просьбе поэта Сэмюэля Тэйлора Колриджа (1772—1834) кембриджский философ Уильям Уэвелл, признаваемый отцом современной философии науки (1794—1866), изобрел английский термин *scientist*¹⁵. Мы делаем различие между естественными науками, например астрономией, химией и физикой, и общественными науками — например экономикой, психологией и социологией. Многие современные ученые и исследователи науки наделяют статусом науки только исследования физических объектов, а социальные науки рассматривают лишь как области исследований, а не настоящие науки. Майкл Полани мудро предупредил: «Понимание некоторых основных невозможностей сформировало определенные фундаментальные принципы физики и химии: сходным образом, признание невозможности понять живые существа в терминах физики и химии не только не положит границы нашему пониманию жизни, но и поведет [познание] в правильном направлении»¹⁶. Я согласен с этой точкой зрения.

Термин «наука» неизбежно влечет за собой тяжелую смысловую окраску: охарактеризовать деятельность как «научную» или назвать ее «наукой» значит описать ее как нечто хорошее, рациональное, правдивое и ценное. Воздержаться от такой характеристики или назвать ее «антинаучной» значит приписать ей противоположные свойства. Такое воздействие может быть или не быть непредумышленным. Я не использую термины «научный» и «ненаучный», чтобы выразить одобрение или неодобрение.

Наконец, осторожное замечание о проблеме повседневного использования психиатрических терминов. Чтобы общаться эффективно, мы должны использовать обычные слова. В то же время мы обязаны помнить, что

обычные слова могут быть насыщены ошибками, обманами и самообманами, свойственными повседневной жизни. Простая иллюстрация будет уместна.

Мы не называем штраф за превышение скорости «оказанием полицейских услуг», проверку бухгалтерии налоговой инспекцией — «оказанием налоговых услуг», а привлечение по уголовному делу в статусе обвиняемого — «оказанием судебных услуг». Однако мы называем недобровольное назначение психиатрического диагноза, сопровождаемое недобровольным помещением в психиатрический стационар, — «оказанием психиатрических услуг».

Приверженность либертарианским принципам обязывает быть противником психиатрического рабства.

ВВЕДЕНИЕ: СВОБОДА ОТ ПСИХИАТРИИ

Психиатрию понимают, как правило, в качестве целе- 1
тельного искусства, своего рода разновидности услуг по
охране здоровья. Иногда это так. Однако главным обра-
зом психиатрия представляет собой разновидность соци-
ального контроля, медико-правовую систему принужде-
ния, не ограниченную верховенством права.

Британский психиатр Джон Крэммер утверждает: «По-
требность ограничивать *антиобщественного индивида* по-
буждает правительства действовать в отношении этих
[психических] *расстройств* как административно, так
и правоприменительно»¹⁷.

Это неверно. Правительства не «действуют в отноше-
нии расстройств», они лишают свободы людей, которых
психиатры признают подлежащими такому лишению сво-
боды. Риторика Крэммера характерна для современного
психиатра как лояльного агента государства. Прежде всего,
он отрицает повсеместность психиатрического принужде-
ния: «На протяжении уже пятидесяти лет не является прав-
дой то, что пациентов закрывают в стационаре главным
образом против их воли». Затем он признает реальность
этого, дистанцирует от нее современную психиатрию, объ-
являя эту практику ушедшей в прошлое, и пытается изба-
вить психиатров от ответственности за нее тем, что они
«всего лишь исполняли приказы»: «До недавнего време-
ни врачи не имели власти высказываться о том, что там [в
психиатрических стационарах] творится, — они были слу-
гами городских или окружных властей»¹⁸. Что ж, сегодня
они полностью творения государства и слуги государства.

Не бывает политики без политических действий. Не
бывает хирургии без хирургических действий. Точно

так же не бывает и психиатрии без психиатрических действий. Хрестоматийные действия психиатрии — недобровольная госпитализация и защита по безумию. Каждое из этих действий — эвфемизм лишения людей личной свободы. Недобровольная госпитализация — пример профилактического взятия под стражу — *непосредственно* лишает свободы невинного на том основании, что он «психически болен и опасен для себя и окружающих». Защита по безумию — пример перевода ответчика из системы уголовного правосудия в систему охраны психического здоровья — *непрямо* лишает свободы обвиняемого в нарушении закона на том основании, что у него не имеется «уголовной ответственности». Приписывание ответчику умственной неспособности предстать перед судом — разновидность данной тактики. Оба эти вмешательства лишают человека возможности отстаивать свое право на справедливый суд, доказывать свою невинность или получить ограниченный тюремный срок вместо неограниченного срока в сумасшедшем доме¹⁹.

Британский историк лорд Маколей (Томас Бабингтон, 1800—1859) писал о несправедливости превентивного лишения свободы: «Наказывать человека потому, что мы заключили из сути какой-то доктрины, которой он придерживается, или из поведения других людей, которые придерживаются той же самой доктрины, что он совершит в будущем преступление, — это, по сути, травля, в любом случае глупая и злая»²⁰.

Вот почему важно, чтобы мы не упустили из вида разницу между моральной ответственностью и ответственностью перед законом. Моральная ответственность не зависит от судебных или законных санкций или от отсутствия таковых. Невинных людей подчас наказывают заключением в тюрьму или сумасшедший дом, а люди, виновные в нарушении законов, часто уходят от наказания, например потому, что их не находят и обвинений им не предъявляют. Ничто из этого не умаляет моральной ответственности. Законы составляются и вводятся

в действие людьми. Моральная ответственность относится к ответственности перед «высшим судом».

Согласно официальной публикации «Mental Health and law: Research, Policy and Services» (1996) «ежегодно более миллиона человек в США недобровольно помещают в стационары для психиатрического лечения»²¹. «Руководство по правам людей с психическими расстройствами и умственной отсталостью Американского союза гражданских свобод» удваивает это число: «Так что в эту эпоху деинституционализации огромное количество людей все еще оказываются стационарованы... прием в психиатрические стационары на лечение в наши дни охватывает ежегодно более двух миллионов человек»²². Меньшая из двух этих цифр означает две с половиной тысячи госпитализаций ежедневно. Кроме того, бесчисленные невинные люди подвергаются угрозам недобровольной госпитализации и лечения. Щупальца системы психиатрического рабства сегодня достигают каждого уголка нашего общества, от яслей и до дома престарелых²³.

Как не бывает психиатрии без действий, прописанных в законе и признанных обществом в статусе «психиатрических», так не бывает и психической болезни без действий, определенных в законе как «вызванные психическим заболеванием» и принятых обществом как таковые. «Психически болезненные» действия или не преступны, подобно депрессии, — и в этом случае либертарианская позиция запрещает использовать силу против человека (*с претензией, будто это делается ему во благо*), или преступны, подобно убийству, — и в этом случае либертарианская позиция требует, чтобы совершившего наказали уголовными, а не психиатрическими мерами. Вне зависимости от того, признаем ли мы психические заболевания в статусе настоящих болезней или нет, «непринудительная психиатрия», подобно «непринудительному рабству», представляет собой противоречие в терминах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru